

ЭНН КЛЭР

ВИНО, СЫР...
И УБИЙСТВО НА ДЕСЕРТ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К51

Ann Claire
A CYCLIST'S GUIDE TO VILLIANS AND VINES

Copyright © 2025 by Ann Perramond

Клэр, Энн.

К51 Вино, сыр... и убийство на десерт / Энн Клэр ; [перевод с английского М. Хараз]. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с. — (Ток. Как раскрыть убийство. Руководство для любителей).

ISBN 978-5-04-232096-5

Сэйди и команда «ПеДАлей» хотят поразить самую требовательную группу в истории тура. Однако «Серебряные Спицы» — шестерых пенсионеров, объездивших полмира, — не так-то легко удивить даже Эльзасом с его виноградниками, изысканной кухней и сказочной архитектурой. Впрочем, гости действительно потрясены — но не тем, чем хотелось бы...

Все начинается, когда одна из участниц утверждает, что во время ночной поездки врезалась в труп. Тело не находят, и Сэйди надеется, что это было дурное видение. Чтобы разрядить обстановку, она ведет группу на виноградники, но незапланированный крюк заканчивается аварией — и жертвой становятся не только винные бочки: из одной вываливается мертвый мужчина. К ужасу Сэйди, погибший связан с туром.

Неугомонные «Серебряные Спицы» не хотят оставаться в стороне от событий, и Сэйди не остается ничего, кроме как ввязаться в расследование, — ведь на кону жизни гостей и репутация «ПеДАлей». Удастся ли ей удержаться на маршруте достаточно долго, чтобы докопаться до истины?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-232096-5

© Хараз М., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Посвящается Лоре — твоя потрясающая история
завершилась слишком рано

Заметка: города и деревни, через которые проходит тур
«ПеДАлей», настоящие, однако главная деревушка, Риквир, была
изменена по шпионским причинам. Л'Оберж-де-Труа-Синьон
и его окрестности — полностью вымышленные места.

ЭТАП 1

КРУТИМ ПЕДАЛИ В ПРОШЛОЕ

ГЛАВА 1

Суббота. Деревушка Риквир, чуть за полночь.

* * *

Крути педали, оставляя позади печали. Я как-то увидела кружку с такой надписью на барахолке в моем родном городе Элм-Парке, штат Иллинойс. Время от времени я вспоминаю эту кружку. Не потому что она была какой-то особой редкостью. Она треснула у основания, а также его украшали огромные печатные буквы, указывающие имя бывшего владельца — СТИВ.

Я Сэйди. Сэйди Грин, гордая хозяйка «ПеДАлей», лучшей маленькой компании велотуров на юге Франции. Но «крутить педали, оставляя позади печали»? Да, это по моей части.

Заставляю еще тяжелые от недавнего сна ноги крутить педали быстрее. Колеса — и кости — трясутся, вздрагивают, преодолевая старинную мощеную улицу, а я пытаюсь настроить мерцающий фонарь велосипеда. Далеко впереди мерцает другой такой же фонарь, погружаясь глубже во тьму. В кромешную тьму, надо сказать. Облака, длинные и изогнутые, как пальцы ведьмы, тянутся, словно чтобы схватить полную луну. «Беги! — хочется мне крикнуть ни-

чего не подозреваемому космическому телу. — Они прямо за тобой!»

На секунду кажется, словно луна меня услышала. С триумфальным блеском она выскальзывает на свободу, появляясь на небе, словно в сказочной книге-раскладушке. Холодный свет поблескивает на черепице крыш, напоминающей чешую дракона. Гнезда аистов, по размерам не уступающие двуспальным кроватям, располагаются на трубах, а над спящей деревушкой возвышается древняя каменная башня.

Меня охватывает странное ощущение. Похоже, мы с велосипедом попали в прошлое! Сразу воображаю картины и звуки: женщины в шелестящих платьях, спускающиеся из замка на холме; скрип деревянных тележек; топот копыт; менестрели и рыцари, пекари и лучники, и...

Мое переднее колесо попадает в щербинку между камнями мощеной дороги. Резкая боль, пронизывающая меня от запястий до зубов, возвращает к реальности. Трескается фара.

А печали никак не желают оставаться позади.

Дурацкая кружка меня обманула!

Сожалею ли я о том, что вложила не глядя все свои сбережения в компанию велотуров? Ни в коем случае! Хотелось бы мне сейчас сидеть за своим старым рабочим столом в пригороде Чикаго и заниматься бухгалтером, вместо того чтобы разъезжать по великолепной Франции? Нет, нет и еще раз нет! Но пусть я уже и не бухгалтер, счет и математика навсегда являются частью моей жизни. Встряхиваю уставшие руки и в уме перечисляю все горести и сожаления.

Во-первых, надо было купить ту кружку. Посыл хороший, и за два доллара я была готова простить ей небольшой скол. Ну а Стив... Я могла бы выпустить коллекцию посуды, темой которой был бы Стив — идея, достойная классной ироничной кофейни. Более того, на самом деле это был

настоящий жбан, в который влезло бы четыре кружки кофе — минимум, без которого я по утрам не чувствую себя человеком.

А ведь сейчас уже утро. У меня еще звенит в ушах от колоколов, оповестивших шестнадцать ударами всех полуночников о времени: четыре удара — часы, двенадцать — каждый пятиминутный отрезок.

Главная проблема в том, что сейчас глубоко за полночь. Мне следовало бы давно быть в кровати. В роскошной кровати, достойной настоящей принцессы, которая расположена в классной гостинице, где нам с группой предстоит жить следующую неделю. Там идеально мягкие и пышные подушки, простыни нежнее шелка, а пуховое одеяло мягко обволакивает, убаюкивая в прохладной ночи.

И это подводит меня к моему главному сожалению: мало того что я покинула кровать — я позволила Кейко Андерссон вытащить меня на улицу в такой поздний час. Старое доброе высказывание «клиент всегда прав», возможно, следует пересмотреть, тем более когда оно звучит в твоей голове ночью.

Тишину нарушает резкий звук. Дверь? Ставни? Рыцарский турнир? Раздается короткий собачий лай, резкая нота, отскакивающая от плитки и камня. Я тут же пытаюсь рационализировать свое присутствие здесь.

Я здесь, потому что Кейко Андрессон, гостя, умоляла меня ей помочь. Потому что она была бледная, словно призрак, и настаивала. Потому что она что-то увидела.

Не так. Сказала, что увидела. Думает, что увидела.

Перехожу к рациональным объяснениям: Кейко увидела тень, игру сражающихся луны и облака. Ночью все выглядит не так. Мы уже доказали это, трижды объехав весь Риквир в поисках того места, где Кейко увидела...

Нет! Даже в мыслях не хочу повторять. Есть столько других объяснений. Злой розыгрыш. Простое недопонимание. Медицинская проблема, уже решенная.

Я здесь именно для этого — чтобы вежливо показать гостю, что она ошиблась. Кейко потом мне спасибо скажет. Утром вместе посмеемся. Или еще лучше — никогда не будем это вспоминать.

Сильнее давяю на педали. Кейко далеко впереди резко заворачивает за угол; шестидесятивосьмилетняя женщина оставляет меня глотать пыль. Хотя, в мое оправдание, Кейко разъезжает на электровелосипеде — моем новом приобретении с мощной батареей. Если мои колеса и зубы перестанут стучать, я тоже смогу с ветерком прокатиться по тихой улочке.

Никогда не видела Риквир таким безлюдным. Справедливости ради, раньше я так поздно тут и не каталась. Я прибыла здесь всего неделю — приехала заранее, чтобы спланировать весь тур. Точнее, чтобы подготовиться, подобно студенту в ночь перед экзаменом по предмету, который он прогуливал весь семестр.

Подкрадывается еще одна печаль: если я хочу провести завтра хороший тур, мне необходимо поспать. Конечно, группа состоит из шести весьма приятных пенсионеров, это велоклуб с очень милым названием — «Серебряные спицы». Люди приятные и полные энтузиазма. И немного пугающие, потому что знают все о... в принципе, обо всем.

Мне хочется их поразить. Они хотят, чтобы я их поразила. Они так и сказали в анкете, которую заполняли перед туром. «Удивите нас! Поразите нас! Поразите нас до смерти!»

Ну нет! Никаких смертей в этом туре!

Что касается задачи поразить — я чувствовала бы себя гораздо увереннее в Сан-Суси-сюр-Мер, деревушке, где само название обещает отсутствие беспокойств, помещенной между Средиземным морем и Пиренеями. Но эта группа попросила провести тур по Эльзасу на северо-востоке Франции; это самый далекий от дома тур, что я устраивала. Не поймите меня неправильно, я рада здесь быть. Эльзас

прекрасен — это идиллическая сказка с волшебными фахверковыми домами и холмами с виноградниками, идеальными для велопогулоков.

Только вот это не моя идиллия. Заворачиваю за угол; делаю это слишком резко. Заднее колесо скрипит. Передо мной внезапно появляется выдавшая виды стена, бледная, словно кость. Делаю то, что учу гостей не делать никогда: сжимаю тормоза и наклоняюсь к ручкам.

Несчастные случаи могут произойти очень быстро, и моргнуть не успеешь. Это ночной кошмар любого туриста. Совладав с велосипедом, я с ужасом осознаю, что сбывлся ночной кошмар туриста: я потеряла туриста.

— Кейко? — театральным шепотом зову я в чернильно-черной тишине.

Дорожка разветвлялась в трех направлениях, в равной мере покрытых тенью. Облака догнали луну; мотыльки собрались под тусклым светом старинного фонаря.

Словно прочувствовав атмосферу, лампочка моего велосипеда мигает, слабеет и отключается.

Отлично. Просто прекрасно. Как будто мне проблем не хватало. Я забыла зарядить лапочку. Я уже год работаю тур-гидом, но все еще совершаю такие ошибки.

Решаю позвать Кейко еще раз.

— Мисс Андерссон?

На третьем этаже в окне развивается кружевная шторка, словно квартира похрапывает. Над головой проносится «вжух». Поднимаю голову, и как раз вовремя, чтобы увидеть пролетающего мимо аиста. В Эльзасе считается, что увидеть аиста — это на удачу, но огромная птица выглядит словно птеродактиль, и я невольно сильнее сжимаю руль, чтобы если попаду во временную петлю, хотя бы оказаться там с велосипедом.

Где же Кейко? Я должна найти ее.

Вслушиваюсь в тишину. Откуда-то сверху раздаются мягкие щелчки. Щелчки и скрежет. Надеюсь, это прино-

сящие удачу аисты, и все. Пытаюсь включить фонарик на телефоне, когда до меня доносятся новые, человеческие звуки — низкое, недовольное бормотание. Сначала мне кажется, будто это я и бормочу. Только вот мой рот закрыт. Звук исходит откуда-то с левой дорожки.

Конечно, именно с этой дорожки, самой темной из трех, шириной всего в пару метров. Если бы это был ужастик, опасность таилась бы именно там. Обезумевший мим, жаждущий меня задушить. Маньяк, помешанный на мясных нарезках, вооруженный ножом, крючком и приправами.

А это — учитывая слова Кейко — вполне может оказаться правдой.

Спешиваюсь и веду велосипед по чернильному тоннелю, на всякий случай продумывая план побега. Можно использовать велосипед как щит. Шестерни — как оружие. Можно запрыгнуть в седло и...

За углом оказывается небольшой дворик в форме кривого треугольника. Старинные домики стоят плечом к плечу, мерно посапывая. Кейко стоит посреди дороги. Свет фары ее велосипеда направлен на метровую винную бочку.

Кейко крутит руль на месте, превращая свет фонаря в яркую полосу, освещающую розовую штукатурку, золотистые розы и разноцветные ставни — изумрудные, перванш, бирюзовые, красные.

— Это было здесь, — сказала Кейко, хмурясь и оглядываясь по сторонам.

Стараюсь изобразить смесь профессионализма и заботы. Это просто легкое притворство. На самом деле я чувствую смесь облегчения и легкого недовольства: вы вырвали меня из принцессной кровати и напугали до смерти просто так? Но ничего страшного. Ничего страшного!

— Что-то не так. — Кейко проводит рукой по волосам, в основном черным, но с проседью. Ее велошорты украшает веселый принт с ромашками. Из кармана персиковой ветровки свисают и болтаются розовые проводные наушники.

ки. Ростом она всего метр пятьдесят, но держится с потрясающей уверенностью — тут, думаю, дело в ее профессии. Кейко — оркестровый дирижер, уже вышедший на пенсию и вдвое сокративший рабочие часы. При планировании тура надо было учитывать ее занятость. В июле у нее фестиваль классической музыки в Стокгольме. Осенью она помогает организовывать «вагнеровскую феерию»: пятнадцать часов оперы в бывшем курятнике неподалеку от дома Кейко в Котсвольдсе. На велосипеде я готова развезжать хоть весь день, но такое количество оперного пения в курятнике — это как будто бы слишком.

Кейко указывает на бочку, словно веля сменить тональность:

— Я помню эту бочку.

Я тоже ее помню. Я была тут пару дней назад, когда искала хорошие рестораны в округе. На бочке красовалось написанное от руки меню винштуба, или винной лавки, — быстро в деревенском стиле, где можно купить любимую местными еду, на становление которой большое влияние оказали соседи-немцы. Это и рульки, и колбасы, и претцели, и петух в вине, только в белом вместо красного, и квашеная капуста. Очень много квашеной капусты. Которая, кстати, тоже включена в нашу программу.

Когда я здесь была, сфотографировала меню и окрестности. Винный магазин по соседству — просто как с картинки; второй этаж увешан старыми приспособлениями для ухода за виноградом: корзинки, молоточки — и пробки от бутылок. Перед самым домом стояла старинная тележка, набитая цветами герани, такими же красными, как ставни. Сейчас ее нет — видимо, на ночь убирают в дом, как и рыцарские доспехи, охраняющие соседнюю галерею антиквариата, и фигуру шеф-повара в берете, встречающую посетителей пиццерии на углу. В этой пиццерии я запечатлела свое знакомство с *tarte flambée*; тарт фламбе — хрустящий плоский пирог с крем фрешем, луком и копченым беконом. Вот это

было открытие! Необходимо провести глубокое исследование, требующее длительной дегустации.

Свет фонарика Кейко падает на металлическую поверхность. Алюминиевые столы и стулья пиццерии на ночь собраны у стены заведения. К завтрашнему обеду столы выстраются в ряд от одного края дворика до другого; этот ряд будет вести к дорожке с холма, а оттуда до нашей гостиницы рукой подать, всего лишь 400 метров. Мы так скоро можем оказаться в кроватях. Слегка перестраиваюсь, чтобы велосипед смотрел в том направлении.

Кейко разворачивает руль на меня. Моргаю от резкого света в глаза.

— Ну что ж! — говорю я. Каждый тур-гид понял бы мой тон в этот момент — спокойный, но уверенный, как бы говорящий: «Итак! Мы с лихвой насладились этой ужасной остановкой, едем дальше!» — Можем вернуться в отель по этой дороге, — добавляю я с надеждой в голосе, указывая на одну из дорожек.

Кейко с велосипедом направляются в противоположную сторону. Она останавливается у винной бочки и покачивает ее, прислушиваясь к гулкому, пустому звуку.

— Я даже не собиралась сюда заворачивать, — говорит она, все еще держась за бочку. — Мне перебежала дорогу кошка. Она бежала отсюда, и мне пришлось завернуть, чтобы не сбить ее. Так я здесь и оказалась. Кошка была трехцветная. Сами понимаете, какие они.

Я не понимаю, но все равно вежливо киваю. Когда я чувствую смутение, я всегда киваю, будто понимаю, о чем речь, — а это очень дурная привычка. Это у меня началось — как и одержимость круассанами — во время первой поездки во Францию. Тогда я только-только окончила школу, и отличные оценки означали, что я могу представиться, спросить, как пройти к библиотеке или бассейну, и во всех красках расписать, что лежит у меня в чемодане.

Но мне хотелось понимать. Я чувствовала, что должна понимать. Поэтому я просто кивала на все, что мне говорили французы. У вас жуткая болезнь? Да-да, звучит чудесно! Хотите продать мне какое-то великанское электрическое приспособление для дома? Oui, oui, merci!

— Трехцветные кошки властные, — сообщает Кейко. — У них есть «тортитюд»¹. Посмотрите в интернете, что это.

Моя голова соглашается. Ладно, сейчас моя главная задача — вернуть Кейко в отель. Репутацию трехцветных кошечек я могу спасти и завтра.

— Я заезжаю сюда и вижу... его. — Кейко хмурится, бросая взгляд на мощеную дорожку.

Вместо oui, oui моя голова переходит на поп, поп!

— Мужчину. — Кейко переходит на шепот. — Мертвого мужчину.

По моим рукам пробегает марафон мурашек. Смотрю на камни, сглаженные не одной сотней лет. Они чисты. От трупов так уж точно. Даже опавшие лепестки герани смели в рядок у антикварной лавки.

Слишком чисто? Ну нет! Ерунда какая-то. Риквир — официально одна из «Самых красивых деревень Франции». Les Plus Beaux Villages de France подразумевают чистоту и безопасность. Они полны цветов, а никак не мертвых тел.

— Я его не сбивала. — Кейко отводит взгляд. — Я время затормозила.

Не слишком ли усердно она оправдывается? Но ведь перед нами нет никакого тела. Складываю руки вместе, маскируя молитвенный жест под непринужденный хлопок.

¹ Тортитюд (или тортиетьюд) — *англ.* Tortitude, означает манеру поведения кошек «с характером»: недовольный взгляд, «отчитывание» хозяина мяуканием, своенравное поведение. Это слово можно расшифровать как «черепаховое поведение» — считается, что тортитюд якобы в большей степени присущ кошкам с черепаховым окрасом. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*